

*На правах рукописи*

**ЗАБОЛОТНАЯ Галина Михайловна**

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО  
РЕГИОНА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

**Специальность: 22.00.04 – социальная структура,  
социальные институты и процессы**

**Автореферат диссертации на соискание ученой степени  
доктора социологических наук**

**Тюмень - 2003**

Работа выполнена в Тюменском государственном университете

**Научный консультант** доктор философских наук,  
профессор  
**Голенкова Зинаида Тихоновна**

**Официальные оппоненты:** доктор философских наук,  
профессор, член-корр. РАН  
**Яновский Рудольф Григорьевич**

доктор философских наук,  
профессор

**Ирхин Юрий Васильевич**

доктор философских наук,  
профессор

**Барбакова Клара Григорьевна**

**Ведущая организация** Уральская академия государственной службы

Защита состоится « \_\_ » \_\_\_\_\_ 2003 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.274.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора социологических наук в Тюменском государственном университете по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Тюменского государственного университета.

Автореферат разослан « \_\_ » \_\_\_\_\_ 2003 г.

*Ученый секретарь  
диссертационного совета*

*Л. П. Гербер*

Сложные и противоречивые социальные процессы, происходящие в современной России, ставят перед социологией ряд проблем, связанных с необходимостью осмысления новых реалий. Существует потребность в прогнозировании и объяснении неоднозначных последствий регионализации постсоветского пространства. На фоне возросшей самостоятельности субъектов Федерации и повышения их роли как субъектов политики наблюдается тенденция фрагментации общероссийского социально-политического пространства, проявляющаяся в качественном многообразии способов организации власти в регионах, в разном сочетании в их политической жизни элементов демократии и авторитаризма. С учетом этого принципиально важно обозначить тенденции и факторы, определяющие диверсификацию социально-политического пространства страны. Значимость поставленной проблеме придает потребность познания общероссийских процессов через анализ ситуации на местах. Без исследования региональной компоненты невозможно представить общую картину демократического транзита в России, его проблемы и противоречия. Изучение социально-политического пространства регионов дает возможность увидеть, как в частном проявляется общее, а в общем – частное.

Актуальность диссертационного исследования диктуется значимостью общетеоретической проблемы осмысления роли пространственного фактора в организации жизнедеятельности людей в эпоху глобализации и появления все более совершенных коммуникационных технологий. Новые возможности интеракции на расстоянии породили со стороны ряда западных обществоведов тезисы об «опустошении» или «исчезновении» пространства. Эти утверждения автоматически распространяются на социально-политическое пространство, поскольку социальные взаимодействия и общественно-политические практики оказываются не связанными с конкретным местом. Согласно другому предположению, глобализация с ее тенденцией к унификации разных сторон жизнедеятельности народов подрывает значение пространственно-территориальных форм организации отдельных

государств и ставит под сомнение существование в будущем качественного многообразия региональных сообществ.

Пространство не может исчезнуть из жизни общества и человека и всегда будет оставаться важным условием их бытия. В то же время изменения, происходящие в мире, увеличивают социально-пространственное многообразие современного общества. Глобализация стимулировала не только интеграцию, но и регионализацию мира. Фактор включения или исключения территорий из глобальных экономических и информационных сетей предопределяет особенности стратификации мирового социального пространства и углубляет региональную контрастность. Не случайно в последние годы обществоведы стали широко использовать понятие «глокализация», в котором выражена неразрывность прямо противоположных процессов: глобализации и локализации, интеграции и фрагментации.

Выбор темы диссертационного исследования связан с потребностью продолжения исследования смыслового содержания понятия «социально-политическое пространство» и его методологического потенциала для углубленного понимания общественно-политической реальности. Хотя это понятие используется многими учеными и политиками, оно недостаточно отрефлектировано в научном плане. Существующие трактовки многозначны и несут в себе терминологическую неопределенность. Кроме того, политическое пространство в основном рассматривается как категория политологии. Но политическое пространство, будучи непосредственно связано с социальными взаимодействиями, несет в себе и социологическую определенность. Разделяя мнение исследователей, которые видят в политическом пространстве проявление единства «социальных аспектов политики и политических свойств социальных отношений»<sup>1</sup>, мы считаем, что это единство передается в понятии «социально-политическое пространство».

**Степень научной разработанности проблемы.** Пространство всегда находилось в центре интереса философов и представителей естественных наук.

Принципиально важным моментом в развитии научного знания стал рубеж XIX–XX вв., когда вопрос о том, что общество и люди существуют не просто в физическом, а в особом пространстве со своей специфической мерностью, был поставлен социологами. Позже П. Сорокин и Я. Морено определили это пространство как социальное пространство. Затем в социальных науках стали разрабатываться разные формы социального пространства: культурного, экономического, правового, нравственного и др. В конце 80-х гг. XX в. в категориально-понятийном аппарате западной науки появились дефиниции «политическое пространство», «политическое поле». В России в круг проблем исследования эта тема вошла в 90-е гг.

Обоснование авторской позиции потребовало анализа и переосмысления работ по широкому кругу вопросов. Были учтены общефилософские подходы к пространству, представленные в отечественной литературе (В. Василенко, А. Мостепаненко, С. Милюхин). При выборе методологических ориентиров исследования нами были изучены работы, в которых с социологических и социально-философских позиций даны либо отдельные аспекты проблематики социального пространства, либо представлен ее всесторонний концептуальный анализ. Это исследования О. Конта, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, Э. Богардуса, Р. Парка, Э. Берджеса, Я. Морено, П. Сорокина, Э. Гидденса, П. Бурдьё, Б. Верлена, Р. Соджи, А. Лефевра, Р. Ли Эллена, Г. Зборовского, В. Виноградского, В. Черникова, А. Филиппова, Е. Заборовой, В. Писачкина, Н. Шматко.

Проблема политического пространства была рассмотрена в работах П. Бурдьё, М. Фуко, П. Шампаня. Этой темы касались Х. Арендт и Ю. Хабермас в контексте разработки вопроса о публичной сфере. Особое внимание диссертантом было уделено работам отечественных авторов: Э. Баталова, А. Венгерова, Ю. Качанова, Н. Косолапова, Г. Семигина, О. Рыбакова.

Концептуальные основы диссертационной работы формировались на основе выявления и анализа методологического потенциала трактовки проблем власти и политики, содержащейся в трудах М. Вебера, В. Ленина, Р. Даля, Т. Парсонса, Ю.

Хабермаса, Н. Лумана, П. Блау, Дж. Хоманса, Р. Эмерсона. Заслуживает внимания позиция отечественных авторов, рассматривающих политическую власть в многообразии ее сущностных проявлений: М. Ильина, Ю. Ирхина, В. Ледяева, А. Мельвиля, А. Соловьева, А. Панарина, В. Пугачева.

В последнее время внимание ученых все больше привлекает проблема политического пространства регионов. В исследованиях С. Барзилова, Б. Поликарпова, А. Чернышова рассматриваются отдельные элементы политической структуры провинции, прослеживаются тенденции в ее развитии. Следует также отметить труды и других ученых, в которых на большом конкретно-эмпирическом материале проанализированы разные аспекты общественно-политической жизни на местах (политические режимы, взаимоотношение ветвей власти, самоуправление, модели взаимоотношения элит, электоральные культуры, региональные идеологии и др.). Это работы: М. Афанасьева, В. Гельмана, Г. Голосова, А. Дуки, В. Ковалева, В. Колосова, Н. Лапиной, Г. Люхтерхандт-Михалевой, А. Магомедова, М. Макфола, К. Мацузато, Е. Мелешкиной, В. Нечаева, Д. Орешкина, Н. Петрова, С. Рыженкова, А. Титкова, Р. Туровского, А. Чириковой, С. Чугрова, Ю. Шевченко, Р. Яновского. Особо следует отметить работы, раскрывающие отдельные аспекты социально-политической ситуации, сложившейся в Тюменской области (В. Бакштановский, К. Барбакова, Л. Березин, И. Бобров, М. Ганопольский, Г. Шафранов-Куцев, С. Моор, М. Акулич, А. Силин, В. Ульянов, Н. Хайруллина).

Конфигурация социально-политического пространства регионов в значительной степени зависит от политико-правового содержания отношений, сложившихся с федеральным центром. Практику современного российского федерализма анализируют С. Валентей, Л. Дробижева, В. Иванов, В. Лысенко, Г. Марченко, С. Митрохин, Н. Петров, Р. Саква, Л. Смирнягин, О. Яровой.

Важными для диссертационного исследования стали работы зарубежных и отечественных ученых, объясняющих пространственно-территориальную иерархичность и расслоение пространства на центр и периферию, – Б. Берри, И.

Валлерстайна, Дж. Фридмана, М. Хечтера, Э. Шилза, Ш. Эйзенштадта, О. Грицая, Г. Иоффе, В. Каганского.

В обосновании авторской позиции в отношении перспектив демократической трансформации социально-политического пространства мы опирались на работы зарубежных и отечественных авторов, рассматривающих проблемы гражданского общества, публичной сферы, гражданской культуры и особенности массового сознания населения в условиях социальной трансформации, – Дж. Александера, А. Грамши, Р. Патнэма, А. Селигмена, А. Турена, Ю. Хабермаса, Ф. Шмиттера, П. Штомпки, А. Галкина, З. Голенковой, Г. Дилигенского, Н. Лапина, Ю. Левады, Ю. Красина, В. Руденкина, С. Перегудова, Ж. Тощенко.

Результаты изучения методологических, теоретических и прикладных исследований стали основой для постановки проблемы диссертации. Автор исходил из того, что:

— сохраняется потребность в концептуальной разработке проблемы социально-политического пространства с учетом новых теоретических и методологических подходов;

— существует необходимость в продолжении исследований регионального уровня социально-политического пространства, что определяется как динамичностью политической жизни, так и современным состоянием региональных исследований общественно-политической жизни, в которых отражены далеко не все проявления социально-политической жизни субъектов Федерации. Не все регионы находятся в центре внимания исследователей, один из них – Тюменский регион. Вместе с тем, данный регион является уникальным объектом для исследования, поскольку включает в себя три субъекта Федерации: Тюменскую область и входящие в ее состав Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. Юг области и северные округа отличаются по показателям экономического и социального развития, по степени включенности в мировые хозяйственные связи, для них характерно различие поселенческого, профессионального и демографического

состава населения. Подобная дифференциация открывает возможности для проведения компаративных исследований социально-политической жизни и процессов на юге области и в автономных округах. Кроме того, на примере Тюменской области как сложнопостроенного субъекта Федерации можно проследить противоречивость практики современного регионализма и федерализма.

**Проблема** исследования заключается в концептуализации проблематики социально-политического пространства как адекватной теоретической и методологической основы исследования общественно-политической жизни регионов, закономерностей и тенденций ее развития.

**Цель исследования** – выявление взаимосвязи, специфики, реального состояния и тенденций развития основных элементов социально-политического пространства региона в условиях трансформационного процесса.

Поскольку данная проблема многогранна, основное внимание в исследовании сосредоточено на принципиальных вопросах, отражающих перспективы демократического развития региона, связанных с развитием институтов гражданского общества и реальной включенностью населения в процессы обмена контролем с властью. Под регионом в исследовании понимается субъект Федерации.

**Основные задачи**, решаемые автором:

— проанализировав классические и современные социологические и социально-философские концепции социального пространства, определить их теоретическую и методологическую значимость для аналитического описания социально-политического пространства; раскрыть возможность применения основных теорий власти и политики к исследованию социально-политического пространства;

— на основе классических и современных социологических теорий концептуализировать проблему социально-политического пространства; уточнить представление о взаимосвязи основных структурных элементов социально-политического пространства;

— обосновать положение о гражданском обществе как макроагенте социально-политического пространства, выявить элементы, определяющие его политический потенциал;

— показать влияние современных процессов регионализации и практики федерализма на региональную структуру социально-политического пространства России, определить особенности их проявления в Тюменской области;

— определить общее и особенное в основных параметрах социально-политического пространства юга Тюменской области и автономных округов;

— исследовать реальный политический потенциал институтов гражданского общества региона, выявить резервы повышения эффективности их деятельности;

— раскрыть значимость фактора социального доверия/недоверия для функционирования и развития социально-политического пространства;

— выявить общее и особенное в электоральных практиках населения юга области и автономных округов, исследовать особенности политических предпочтений и ценностных ориентаций регионального электората, проверить зависимость электоральной культуры от пространственно-территориальных и социально-демографических оснований.

**Объект исследования** – социально-политическое пространство Тюменского региона как сложнопостроенного субъекта Федерации.

**Предмет исследования** – основные структурные элементы социально-политического пространства, взаимодействие которых определяет специфику и тенденции его развития.

**Теоретическими и методологическими основами исследования** стали социально-философские и социологические концепции пространства; теории социального обмена; социологические и политологические концепции гражданского общества; концепции социальных сетей и социального капитала; теории, рассматривающие политическое участие и политическую культуру; современные теории регионализма и федерализма; концепции и теории, раскрывающие роль разных агентов в трансформационных процессах.

Решение поставленных в диссертации задач потребовало комплексного использования ряда методологических подходов: системного, структурно-функционального, историко-генетического анализа; компаративистского метода. Важным методологическим принципом, расширившим возможности аналитического описания социально-политического пространства, стал интегративный подход, позволяющий рассматривать развитие общества как взаимовлияние действий социальных субъектов и структур. Данный подход, который был определен В. Ядовым как «деятельностно-активистский»<sup>2</sup>, получил широкое распространение в современной западной социологии (Дж. Александер, М. Арчер, Р. Будон, П. Бурдье, Р. Бхаскар, Э. Гидденс, Дж. Коулмен, А. Турен, П. Штомпка). Перспективность его использования применительно к исследованию трансформационного процесса в России подчеркивается и рядом отечественных авторов (Т. Заславская, В. Ядов, Ю. Качанов, А. Чирикова, М. Шабанова, Н. Шматко). Анализ структуры социально-политического пространства опирается также на положения неoinституционализма в изложении Д. Норта и В. Радаева.

**Эмпирическая база и методы исследования.** Эмпирическую базу работы составили:

- федеральные и региональные законодательные и нормативные акты;
- официальная документация региональных органов управления, избирательных комиссий Тюменской области, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов;
- данные Тюменского областного управления государственной статистики;
- данные управлений Министерства юстиции РФ по Тюменской области, по Ханты-Мансийскому и Ямало-Ненецкому автономным округам о зарегистрированных общественных организациях;
- публикации в региональной периодической печати;
- вторичный анализ материалов исследований отечественных социологов по изучаемой проблеме.

Эмпирической базой исследования стали результаты социологических исследований, проведенных при участии автора исследовательскими группами в 1993–2001 гг., а также четырех авторских проектов, реализованных в 2001–2003 гг. В ходе последних было опрошено 5660 респондентов избирательного возраста по стратифицированной выборке. При проведении опросов по югу Тюменской области и в автономных округах (ХМАО и ЯНАО) учитывалось место проживания респондента: город, поселок, село. Диссертантом использовался и экспертный опрос, проведенный в режиме неформализованного интервью. Было опрошено 38 экспертов.

Для решения поставленных в диссертации задач использовались следующие методы: теоретический анализ документов, наблюдение, аналогия, анализ и синтез, индукция и дедукция, обобщение, статистический анализ документов.

**Научная новизна исследования.** В диссертации:

— проанализированы и обобщены разные подходы к изучению социально-политического пространства: политологический, социологический, социально-философский. Обоснована возможность применения основных теоретических и методологических принципов интегративного (активистско-деятельностного) и обменного социологических подходов, неинституционализма для концептуализации проблемы социально-политического пространства. Акцентировано внимание на социологическом статусе категории «социально-политическое пространство»;

— обоснована авторская трактовка понятия «социально-политическое пространство», раскрыто его соотношение с такими категориями, как «политическая система», «политическая сфера»;

— уточнено представление об агентной структуре социально-политического пространства. Осуществлено сопоставление понятий «политический субъект», «политический актор» и «политический агент»;

— впервые в спектре проблем социально-политического пространства исследован вопрос о публичном пространстве и показано, в каком случае данное понятие частично пересекается с понятием «социально-политическое пространство»;

— показано, что социально-политическое пространство сложнопостроенного субъекта Федерации не укладывается в обычные границы административного измерения, а его стабильность и интеграция, конфликтность и дезинтеграция имеют многофакторную детерминацию. Дан анализ противоречий политико-правовой институционализации социально-политического пространства сложнопостроенного субъекта Федерации;

— выявлены основные агенты социально-политического пространства региона и специфические аспекты их взаимоотношений;

— дан анализ причин слабости партий и других институтов гражданского общества региона;

— сделана попытка применения к исследованию реального состояния гражданского общества региона теории социального капитала и социологических концепций доверия;

— на теоретическом и эмпирическом материале был показан механизм влияния фактора доверия/недоверия на конструирование социально-политического пространства. Обоснована авторская методика обобщения эмпирических данных для определения индекса доверия к политическим и общественным институтам, а также к политическим лидерам;

— исследованы политическая идентификация и ценностные ориентации регионального электората с использованием широкого круга индикаторов.

### **На защиту выносятся следующие положения:**

1. В научном дискурсе в последнее время наряду с понятиями жизненного, социального, культурного, правового пространства актуализировалось понятие социально-политического пространства. Его исследование только в рамках политологического подхода не раскрывает всего смыслового содержания этой

категории. Социально-политическое пространство является видовой формой социального пространства и взаимосвязано с ним как часть с целым. Социологический подход к анализу социального пространства содержит в себе важные положения теоретического и методологического характера, которые могут быть использованы в исследовании социально-политического пространства.

2. Социально-политическое пространство может быть рассмотрено в контексте важнейшей социологической проблемы социальных взаимодействий. Именно взаимодействия индивидуальных и/или коллективных агентов есть основной источник воспроизводства и изменений социально-политического пространства. В социально-политическом пространстве взаимодействия носят упорядоченный характер, что определяется позициями социальных агентов, степенью глубины политических дистанций и дистанции власти. Характер многообразных политических взаимодействий, принимающих форму открытого или скрытого конфликта, сотрудничества, а также природу отношений власти целесообразно рассматривать в контексте обменной парадигмы. Социально-политическое пространство будет конструироваться в процессе обмена политическими практиками, политически значимыми ресурсами и, следовательно, выступать «местосвершением» подобных обменов, в процессе которых объективируются социальные дистанции, подтверждаются либо изменяются позиции акторов в системе отношений власти.

3. В социально-политическом пространстве представлены разные акторы, отличающиеся своими функциями и политическими ролями, своей социальной масштабностью. В зависимости от политических ресурсов акторы реализуют свой набор практик. Трансформация и качественные параметры социально-политического пространства зависят не только от идеологических установок, волеполагания и деятельностного потенциала элитных и субэлитных групп, но и от стратегий поведения рядовых граждан, которые могут быть ориентированы на поддержку проводимого правительственного курса, на открытый или скрытый протест, на самоустранение или на использование нелегитимных практик в

повседневной жизни. В то же время не все акторы выступают агентами социально-политического пространства. Признаком агентности является осознанное деятельностное включение в общественно-политические процессы, понимание своих целей и внешнего контекста своих практик, использование власти или участие в процессе обмена контролем с властью.

4. Социально-политическое пространство сложнопостроенного субъекта Федерации определяется действием прямо противоположных тенденций: интеграции и дезинтеграции. Стабильность и единство социально-политического пространства сложнопостроенного субъекта Федерации зависят от целой группы факторов, в состав которой входит: региональная политика центра, а также характер проводимой федеративной реформы, четкость нормативно-правовых актов, определяющих распределение предметов ведения, отлаженность бюджетных взаимоотношений, сохранение общего экономического, образовательного, информационного пространства. Немаловажное значение имеет субъективный фактор: как амбициозность региональных лидеров или, напротив, готовность к разрешению противоречий и нахождению баланса интересов, так и границы регионального самосознания населения.

5. В условиях, когда потенциал влияния партий и других институтов гражданского общества на политическую жизнь региона является минимальным, главными агентами социально-политического пространства выступают региональные политические элиты и экономические агенты. В округах это, прежде всего, подразделения крупнейших нефтегазовых корпораций. Каналом институционализации влияния последних на региональную политику стали законодательные органы. Место партий в региональном электоральном процессе занимают корпоративные группы, что предопределяет «неполитизированный» характер представительных органов.

6. Возможности демократической трансформации социально-политического пространства зависят от социально-политического потенциала гражданского общества. Являясь неполитической формой самоорганизации социума, развитое

гражданское общество способно выступать политическим агентом во взаимоотношениях с государством, выполняя ряд важнейших функций. Характер отношений государства и гражданского общества может быть противоречивым, но они взаимно нуждаются друг в друге, поскольку должны разделить ответственность за смягчение социальных рисков, с которыми столкнулось современное общество. Выражением зрелости гражданского общества является публичное пространство – пространство непосредственных взаимодействий и коммуникативных обменов групп гражданского общества между собой и с органами государственной власти по общественно значимым вопросам. Целям демократического развития отвечает сетевая организация гражданского общества, построенная на горизонтальных обменах ресурсами, солидарных отношениях, консенсусной культуре, на признании гражданами общих ценностей.

7. Современное состояние гражданского общества в регионе, как и в России в целом, характеризуется низким социальным капиталом, а соответственно, и возможностями влияния на органы власти. Слабость гражданского общества определяется рядом факторов, в том числе: кризисное состояние современной экономики и низкий уровень жизни значительной части населения, блокирующие возможность формирования среднего класса и порождающие отчуждение граждан от общественно-политической жизни; противоречивость правовых норм, создающая «институциональные ловушки» для гражданского общества; настороженное отношение институтов власти к гражданским инициативам и стремление распространить на него патронажные и клиентарные сети; ослабление коллективистских и солидарных связей. Увеличение социального капитала гражданского общества требует преодоления общественной апатии, формирования культуры гражданственности, включающей в себя представление об общественном долге и ответственности.

8. Доверие – важнейший фактор, определяющий характер обменов в социально-политическом пространстве, и одно из проявлений социального капитала гражданского общества. Доверие является условием создания гражданских

ассоциаций, формирования отношений толерантности, присутствует в конструировании вертикальных политических взаимодействий органов власти и населения. «Синдром недоверия» широко распространен в социально-политическом пространстве Тюменского региона. Недоверие рядовых граждан распространяется как на органы власти и осуществляемую политику, так и на партии и избирательные процедуры. Недоверие распространяется и на сферу горизонтальных взаимодействий, проявляясь в настороженном отношении к окружающим, в неприязни к представителям определенных национальных групп. Восстановление общественного доверия следует рассматривать как социальный резерв демократизации и стабилизации политической жизни в регионе.

9. Социально-политическое пространство Тюменского региона включает в себя несколько электоральных зон, что определяется различиями в политических предпочтениях жителей юга области и округов. Дифференциация электоральных субкультур осуществляется также по линии «город–село», определяется социально-демографическими характеристиками избирателей. В то же время партийные предпочтения значительной части регионального электората не являются устойчивыми, а характер голосования зависит от многих причин. Устойчивая политическая самоидентификация затруднена слабой ориентацией граждан в пространстве идеологических символов, амбивалентностью ценностных ориентаций.

**Теоретическая значимость** работы обусловлена ее новизной и заключается:

— в постановке и решении важной для науки проблемы социально-политического пространства, в приращении теоретического знания в области теоретико-социологического исследования социально-политических процессов;

— в развитии теоретического уровня современных исследований социально-политического пространства, в социологической концептуализации этой проблемы;

— в расширении основы для теоретического анализа комплекса социально-политических проблем региона, в определении совокупности показателей социологического анализа особенностей социально-политического пространства на уровне региона;

— в заполнении пробела в теоретическом изучении таких проблем, как публичное пространство, социальное доверие и его функции;

— в получении новых эмпирических данных для развития таких научных направлений, как социология, политология, регионология.

**Практическая значимость** настоящего исследования состоит:

— в методологическом значении работы для региональных исследований по проблемам социологии, политологии, истории;

— в возможности использования выводов исследования в компаративных исследованиях других регионов России;

— результаты исследования могут быть использованы органами власти разных уровней, организациями гражданского общества;

— исследование позволяет обогатить теоретическим и эмпирическим материалом учебные курсы по социологии, регионологии, политологии и ряд спецкурсов для студентов, обучающихся по специальностям социологии, политологии, государственного и муниципального управления и истории.

**Апробация и внедрение результатов исследования в практику.** Основные положения диссертационного исследования опубликованы в монографии «Социально-политическое пространство общества и региона», в статьях, в тезисах докладов и материалах конференций, а также нашли отражение в учебных пособиях по обществознанию и политологии, в учебных программах по курсам «Современные социальные процессы», «Регионология», «Теория политики». Общий объем опубликованных работ – более 60 п. л. Ход и результаты исследования на разных его этапах докладывались и обсуждались в Тюменском государственном университете, на региональных, всероссийских и международных научных конференциях и семинарах.

*Региональные конференции:* «Совершенствование подготовки специалистов в условиях рыночной экономики» (Тюмень, 1995); «Россия: выбор пути» (Тюмень, 2000); «Словцовские чтения» (Тюмень, 2001).

*Российские конференции:* «Формирование духовной культуры личности в условиях Западно-Сибирского региона» (Тюмень, 1997); «Историческая наука на пороге третьего тысячелетия» (Тюмень, 2000); «Интеллигенция и проблемы формирования гражданского общества в России» (Екатеринбург, 2000); «Глобализация, федерализм и региональное развитие» (Туапсе, 2001); «Управление социальными процессами в регионах» (Екатеринбург, 2002, июнь); «Управление социальными процессами в регионах» (Екатеринбург, 2002, ноябрь); «Толерантность и экстремизм в современной России» (Тюмень, 2002); «Вуз и регион: взаимодействие с органами власти, бизнес-структурами и международными организациями» (Тюмень, 2002); «Социология в российской провинции: тенденции и перспективы развития» (Екатеринбург, 2003); «XIV Уральские социологические чтения» (Тюмень, 2003).

*Международные конференции:* «Безопасность жизнедеятельности в Сибири и на Крайнем Севере» (Тюмень, 1995); «Социально-экономические проблемы региона в переходный период» (Тюмень, 1998); «Российская государственность: уровни власти. Теория и практика современного государственного строительства» (Ижевск, 2001); «Северный регион: наука и социокультурная динамика» (Сургут, 2002); «Славянские духовные традиции в Сибири» (Тюмень, 2002).

Результаты исследования были востребованы аналитическими структурами Администрации Тюменской области и активистами ассоциаций гражданского общества областного центра.

**Структура диссертации.** Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложений. В приложениях представлены диаграммы и образцы авторского инструментария, использованного в ходе опросов 2001–2003 гг.

## ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **«Введении»** обосновывается актуальность темы исследования, определяются проблема, цель, объект, предмет, задачи исследования, характеризуются его методологические и теоретические основы, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

В **первой главе** *«Методологические и теоретические основы исследования»* раскрывается логика научного осмысления роли социально-пространственного фактора в общественной жизни, осуществлен анализ наиболее значимых социологических и социально-философских концепций социального пространства, выделен их теоретический и методологический ресурс для осмысления проблемы социально-политического пространства.

Социологическая традиция исследования социального пространства обозначилась в конце XIX в. Внимание к этой проблеме со стороны ученых было вызвано потребностью объяснить особенности упорядоченности жизнедеятельности общества и человека. Основатель социологии О. Конт использовал понятие социального расстояния и обосновал положение о трехмерности пространства, выделив в нем экономический, духовный и моральный векторы. Э. Дюркгейм объяснил причину неоднородности пространства действием принципа разделения и дифференциации. Г. Зиммель отметил, что индивиды и группы имеют свое место в «социальной среде». В исследованиях Л. фон Визе, Э. Богардуса, Э. Берджеса, Р. Парка, Я. Морено были поставлены проблемы социальных дистанций и социальных позиций. Р. Парк и Э. Бэрджесс на примере урбанистического пространства показали социальную неоднородность физического пространства и заложили основы «пространственно ориентированного» направления социологии – социологии города.

Ценной в контексте нашего исследования является концепция социального пространства П. Сорокина. В его понимании социальное пространство объективно, т. к. имеет свою «телесность», структурированное народонаселение. П. Сорокин сравнивает социальное пространство со сложной сетью, образованной связями

взаимодействия. П. Сорокин высказал ряд принципиальных положений, ставших своеобразными аксиомами социологической интерпретации социального пространства: идея о его многомерности, которая задается различиями позиций индивидов и групп; о социальных дистанциях как особой шкале «мерности» социального пространства и их объективных основаниях. В работах П. Сорокина наметился подход к выделению разных сфер социального пространства в зависимости от стратификационных индикаторов – экономического, профессионального и политического.

Со второй половины XX в. наблюдается рост интереса к пространству у социологов, социальных философов и социальных географов. На необходимость включения в социологическую науку анализа как временных, так и пространственных параметров социальной реальности указал Э. Гидденс. Представление о социологии как «социальной топологии» обосновал П. Бурдьё. Топологического подхода к исследованию социального мира придерживался и М. Фуко. Западными учеными были обозначены и другие темы научного дискурса о пространстве с выходом на социальную и политическую проблематику. Сошлемся на Р. Ли Эллена<sup>3</sup>, который, сделав анализ современных пространственных теорий, пришел к выводу, что особую актуальность приобрели два вопроса: что мы делаем из пространства или как человеческая деятельность может «оформлять» пространство для его использования в экономических, политических и социальных целях и что пространство делает из нас? Во втором случае ученых занимает проблема того, как «пространственные способы познания» формируют самосознание человека, его идентичность и представления о тех, кого считают «другими». В центре внимания ученых и вопросы о том, как «пространственные представления» используются для поддержания власти; какими могут быть социальные последствия таких пространственных практик, как «геттизация» или сегрегация?

Обобщая представления о пространстве, содержащиеся в западных теориях, отметим, что ученые признают существование качественно различающихся по своей сущности пространств:

— физическое или «вещественное» пространство. Оно также понимается как пространство повседневности, как распознаваемые местоположения;

— пространство, относящееся к ментальной реальности, которое обозначается как воображенное, представленное пространство (*imagined space*). Данное пространство является объектом современных эпистемологических исследований. Оно может рассматриваться как закодированная абстракция физического пространства, как комплекс идей и размышлений о пространстве, как знание пространственных схем, которые используются для того, чтобы действовать в пространстве повседневной жизни. Представленное пространство часто понимается как социальное пространство.

Существует и традиция понимания пространства, заложенная И. Кантом. Географическое или социальное пространство соответственно трактуются как когнитивные схемы, позволяющие объяснить размещение объектов (Б. Верлен).

В современной западной науке нет общего представления о социальном пространстве. Под ним может пониматься все общество в целом (М. Кагельс), но доминирует тенденция сведения социального пространства к идеальному феномену. Оно понимается как символическое, или смысловое пространство, в котором воспроизводятся социальные различия и осуществляются социальные распознавания.

В западной постклассической социологии разработано несколько оригинальных концепций социального пространства, рассматривающих эту проблему через соотношение ментального и материального, субъективного и объективного. Одна из них связана с именами А. Лефевра и Э. Соджи<sup>4</sup>, которые выступили с критикой «бинарного» видения пространства, когда физическое и воображаемое пространство противопоставлены друг другу. Авторы

придерживаются мнения о взаимосвязи трех пространств: реального, воображаемого и социального. Последнее понимается ими как пространство идеологической борьбы, которая имеет огромные последствия для первых двух. В социальном пространстве одновременно сосуществуют три вида пространства: 1) перцептуальное как субъективное отражение физического пространства; 2) концептуализированное пространство как определенные версии пространства, созданные учеными и политиками; 3) проживаемое пространство (lived space), или пространство репрезентации образов, комплексных символических систем, оно же и пространство сопротивления гегемонии со стороны концептуализированного пространства. В этом понимании социального пространства нам представляется наиболее интересным положение о связи социального пространства с практикой, в том числе и с символической практикой, направленной на утверждение определенного видения реальности. Нельзя не согласиться с оценкой учеными роли того смысла, который человек придает своей «пространственности» в детерминации социальных практик.

Важные теоретические проблемы социального пространства были обоснованы П. Бурдьё. В его понимании социальная реальность выступает в форме многомерного социального пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения. Как и в трактовке П. Сорокина, у П. Бурдьё оно также многомерно, определяется взаимоотношением позиций социальных субъектов и не может быть сведено к физическому пространству. Он понимает социальное пространство как символическую сферу, в которой осуществляются социальные распознавания. Новизна подхода французского социолога заключается в том, как он трактует связь социального и физического пространства. В трактовке П. Бурдьё социальное пространство имеет двойственную природу. Оно одновременно существует в символическом/социальном и в физическом измерении, присутствует в материализованных пространственных структурах и в диспозициях субъектов. Устойчивые диспозиции, которые французский социолог понимает как габитус, определяют практические стратегии агентов. Габитус выступает своеобразным

«чувством позиции», посредством которого агент определяет свой сектор пространства, осознает, что он может/не может себе позволить в действиях, и непосредственно участвует в формировании групповых идентичностей. Важным для контекста нашего исследования является обоснованное социологом положение об объеме и характере капиталов, которые контролируются агентом, как измерении его реальной позиции в социальном пространстве; о политическом поле социального пространства; о том, что пространство, в котором мы живем, является социально обозначенным и сконструированным.

Для британского социолога Э. Гидденса является очевидной связь пространства со структурами и социальными практиками агентов. Кроме того, именно уровень пространственно-временного дистанцирования, по мнению Э. Гидденса, отличает разные типы обществ.

В трудах П. Бурдье и Э. Гидденса получило обоснование важное положение, которое используется в диссертационной работе в качестве методологического принципа исследования социально-политического пространства. В отличие от представителей социологических теорий, объясняющих социальную реальность с позиций объективистской или субъективистской парадигмы, оба социолога исходят из того, что ее конструирование есть результат взаимодействия структур и агентов. Определяя свою деятельность, агенты исходят из баланса предписаний, создаваемых внешними структурными компонентами, и собственной свободы. Следовательно, при исследовании социально-политического пространства принципиальное значение имеет анализ как структур (систем, институтов, официальных и неофициальных норм), так и «стратегического поведения» самих агентов. Деятельность агентов, видоизменяющая старые структуры, открывает возможности для трансформации социально-политического пространства.

В главе приводятся аргументы других социологов о необходимости внимания к структурным и поведенческим факторам при анализе общественных изменений (П. Штомпка, А. Турен). Подобную позицию разделяет и ряд отечественных социологов. Как справедливо заметил В. Ядов, экономические факторы и социальные отношения

детерминируют, но только сквозь призму субъекта и его преобразующей деятельности. «От того, какие «глупости» придут ему в голову и как он распорядится этим своим знанием, и зависит ход социальных событий»<sup>5</sup>.

В отечественной науке дефиниция социального пространства появляется в категориально-понятийном аппарате социальной науки в середине 70-х гг. XX в. Признание существования социальной формы движения материи позволило поставить вопрос о существовании социального пространства в качестве одного из видов объективно-реального пространства. Теоретический поиск в какой-то мере был задан монографией А. Мостепаненко «Проблема универсальности основных свойств пространства и времени» (1969), в которой ставился вопрос о необходимости разработки проблемы онтологических свойств социального пространства. В монографии Г. Зборовского «Пространство и время как формы социального бытия» (1974) получили обоснование теоретические проблемы социального пространства и были определены общие методологические принципы его исследования. В этой работе, а также в трудах В. Черникова, В. Виноградского, А. Лоя и др. было показано, что принципиальное отличие социального пространства от других пространственных форм состоит в его неразрывной связи с деятельностью социального субъекта.

Другой вопрос, получивший всестороннее обоснование в работах отечественных авторов, это вопрос о темпоральном измерении социального пространства. В диссертационной работе показано значение ряда положений проблематики социального времени для раскрытия темы исследования.

Внимание отечественных авторов также сосредоточено на проблеме взаимоотношения социального пространства с природной средой (географическим пространством). Факт их сопряженности не вызывает сомнений у большинства исследователей. В 90-х гг. вопрос о соотношении географического и социального пространств получил дальнейшее обоснование у социологов и философов,

работающих с дефиницией жизненного пространства (В. Писачкин, В. Устьянцев, О. Филимонова и др.).

Отечественные авторы рассматривают социальное пространство как «системную категорию» (Г. Зборовский). Используя разные критерии, исследователи выделили разные видовые формы и уровни социального пространства.

Более широкое знакомство российских социологов с западными постклассическими социальными теориями позволило расширить возможности использования новых подходов к исследованию пространства. Так, развивая идеи П. Бурдье, Ю. Качанов рассматривает социальную реальность как пространство объективированных различий и считает, как и Н. Шматко, что социальное (политическое) пространство целесообразно рассматривать в рамках топологического подхода. Единицей пространства выступает «топос». По мнению Н. Шматко, каждый «топос» имеет свою качественную специфику, ему присуща своя пространственно-временная структура социальных явлений. Подобный подход позволяет фиксировать в рамках единой социальной реальности существование локальных социальных порядков. А. Филиппов, указывая на необходимость переориентации науки на изучение пространства, последовательно отстаивает идею о выделении социологии пространства как самостоятельной области социологического знания. В его работах получил обоснование вопрос о том, что в зависимости от позиции наблюдателя или социолога возможно разное видение пространства и разные представления о нем.

Опираясь на труды отечественных философов, автор разводит реальное и перцептуальное социальное пространство. Последнее может выступать как в форме обыденного представления о пространстве, так и в форме концептуального пространства. Примером последнего являются, например, теоретические схемы, объясняющие социальную стратификацию общества. Эти теории есть результат «пространственного» прочтения учеными реально существующего неравенства социального положения индивидов и групп.

Во **второй главе** *«Социально-политическое пространство: категория и проблемы»* концептуализирована проблема социально-политического пространства: выделяются методологические принципы его исследования, уточняется дефиниция, связь с другими социологическими и политологическими категориями, описываются основные элементы, уровни, формы, связь с другими полями социального пространства.

Социально-политическое пространство является видовой формой социального пространства. Их взаимосвязь есть отношения общего и особенного, целого и единичного. В этом контексте социально-политическое пространство как структурная часть внутренне связано со всем социальным пространством; открыто для воздействия со стороны других его полей (подпространств); имеет свою внутреннюю структуру, представленную разными элементами, в том числе собственные подпространства; характеризуется особыми свойствами и функциями; обладает относительной автономностью по отношению к социальному пространству.

В работах российских исследователей социально-политическое пространство в основном рассматривается с точки зрения политологического подхода. Существуют разные его понимания. Социально-политическое пространство трактуется как предпосылка политической организации, как цель политического процесса или среда протекания политических процессов, как сфера жизнедеятельности, втянутая в политические процессы. Встречаются попытки редукции социально-политического пространства к его отдельным структурным элементам, например, к политической организации общества (к совокупности организаций и учреждений, в рамках которых осуществляется социально-политическая деятельность населения) или к политической системе в целом. Но проявление системных свойств социально-политическим пространством не дает основания для его отождествления с политической системой, а тем более, для сведения его к отдельным политическим институтам. Понятие «политическая система» фиксирует состояние политической власти с точки зрения дифференциации функций и специализации политических структур и включает в себя класс относительно устойчивых явлений. Понятие

«социально-политическое пространство» распространяется как на официальные, так и на неофициальные институты и политические практики, в том числе охватывает собой и класс более изменчивых явлений – политические процессы.

Нередко социально-политическое пространство сводится к политической сфере. Хотя эти понятия близки, они фиксируют разные границы распространения политической жизни. В дефиниции политической сферы отражены пределы воздействия политики на другие стороны общественной жизни, а ее границами выступают границы экономической, культурной и других сфер жизнедеятельности социума. Социально-политическое пространство среди разных своих проявлений предполагает непосредственную связь с территориальной локализацией социума. В этом случае пределом, ограничивающим феномены политической жизни, будет социально-политическое пространство другого социума. Данный факт не отрицает того, что социально-политическое пространство, будучи погружено в социальное, имеет свои границы, выход за которые будет означать потерю собственного политического качества. Кроме того, понятие «политическое пространство» включает в себя и другое смысловое содержание. С учетом понимания социального пространства, разработанного в рамках социологического подхода, социально-политическое пространство можно представить как *совокупность отношений и позиций социальных агентов (акторов), обладающих разными политически значимыми ресурсами*. Утверждение подобного взгляда на политическое и социальное пространства как порядок позиций социальных агентов, обладающих разными ресурсами (капиталами), связано с именем П. Бурдьё. Близкое представление о политическом пространстве получило развитие в работах Э. Баталова, Ю. Качанова, Н. Шматко.

Важным моментом в понимании специфики социально-политического пространства является представление о сущности отношений власти и феномена политики в целом. В работе осуществлен анализ наиболее значимых подходов к исследованию данных проблем.

П. Бурдье принадлежит концепция поля политики и власти. Содержательным представляется обоснование вопроса о связи политики и власти с символической борьбой и капиталом. Нельзя не согласиться с тем, что проявлением власти одних групп над другими выступает способность первых внедрять в общественное сознание нужные для осуществления своей гегемонии представления и схемы оценивания социальной реальности. Утверждая собственные версии мира, ограничивая проявление других мнений, доминирующие группы получают возможность конструировать мир по своим принципам. Отмечая заслугу П. Бурдье в разработке этой проблемы, диссертант находит, что близкое по смыслу положение было разработано классиками марксизма, которые показали, что буржуазия создает мир по собственным представлениям.

М. Фуко раскрыл неразрывное единство пространства, власти и знания. Он развил идею о том, что власть и доминирование появляются там, где политика объединяется с пространством и знанием. Знания о человеке и об организации пространства открывают возможность для власти превратить все физическое пространство повседневной жизни в дисциплинарное пространство. Все социальное пространство фактически превращается в политическое, т. к. надзирающая власть пытается внедрить «физико-политические» технологии во все сферы жизни. Хотя концепция власти М. Фуко получила неоднозначные отклики среди научной общественности, нельзя не отметить, что он раскрыл целый ряд технологий, используемых властью для осуществления контроля.

В сопоставительном контексте проанализированы другие важные подходы к объяснению феномена власти: 1) «реалистические», понимающие власть как отношения, носящие асимметричный характер и реализуемые в форме господства одних субъектов над другими (М. Вебер, Г. Лассуэлл, Р. Даль, С. Льюкс, отчасти Э. Гидденс); 2) системные, трактующие власть как инструмент обмена ресурсами между подсистемами общества (Т. Парсонс, Д. Истон, М. Крозье, М. Роджерс); 3) коммуникативные, рассматривающие ее как инструмент общения, т. е. язык коммуникаций

(К. Дойч, Н. Луман, Ю. Хабермас, Х. Арендт). Особое внимание уделено пониманию власти, развитому в социологических теориях социального обмена (П. Блау, Дж. Хоманс, Р. Эмерсон). Из отечественных авторов власть как форму социального обмена рассматривает А. Эфендиев. Согласно обменному подходу, феномен власти возникает тогда, когда взаимодействия социальных субъектов представляют собой обмен неравных по объему или неэквивалентных по своей природе услуг и ресурсов. Тот, кто предоставляет дефицитные услуги и средства, получает власть над получателями последних. Но и получатели также предоставляют необходимые для власти «ответные услуги» и ресурсы: подчинение, поддержку, доверие, лояльность, наделение власти и ее носителей харизмой, правом озвучивать свои интересы и др. Обменный подход не исключает представлений об асимметричности отношений власти, но в то же время позволяет увидеть в отношениях проявление взаимозависимости двух сторон, когда ни одна из них не может реализовать свои цели без привлечения ресурсов другой стороны. Как обмен можно интерпретировать основные формы политических взаимодействий, определяющих конфигурацию социально-политического пространства: сотрудничество, соперничество, конфликт. Конфликт в этом контексте есть несогласие одной или обеих взаимодействующих сторон с правилами игры, с критериями, по которым оценивается весомость их услуг<sup>6</sup>.

Политические обмены практиками, услугами и ресурсами представляют собой разновидность социальных взаимодействий. Социально-политическое пространство определяется взаимодействиями двух видов: вертикально выстроенными взаимодействиями власти с гражданами и отдельными социальными группами и институтами, представляющими их интересы; горизонтальными взаимодействиями, которые складываются между политическими агентами в процессе их соперничества или сотрудничества по поводу использования власти, контроля за ней. Социально-политическое пространство есть *«местосвершение» обменов политически значимыми ресурсами, в процессе которых объективируются социальные*

*дистанции, подтверждаются либо изменяются позиции агентов (акторов) в системе отношений власти.* Используя понятия «дистанции власти» и «политические дистанции», автор характеризует вертикальную и горизонтальную оси координат социально-политического пространства. Спектр политических обменов и взаимодействий широк. Совокупность взаимодействий между разными институтами государственной власти, а также между центральными, региональными и местными органами власти в процессе реализации ими функций по управлению обществом структурирует административно-политическое пространство.

Социально-политическое пространство представляет собой взаимосвязь рядоположенных и разноуровневых элементов. В диссертации проведен анализ основных элементов социально-политического пространства, определяющих его качественные и динамические параметры. К таковым, прежде всего, следует отнести социальных агентов (акторов). Они обладают разной возможностью влиять на социально-политические процессы. Ресурсы, которые контролируют агенты в других полях социального пространства, способны конвертироваться в политические ресурсы, т. е. могут быть непосредственно использованы агентами для того, чтобы закрепить или изменить свое положение в социально-политическом пространстве. К контролируемым ресурсам относятся как объективированные ресурсы (экономические, финансовые, информационные, средства поощрения и принуждения и др.), так и «личностные» ресурсы (ценностные ориентации, образование и уровень знаний о мире политики, информированность, авторитет, харизматичность, работоспособность и др.). Последние особенно важны для политических лидеров. Политическим может стать специфический ресурс, который субъект получает через неформальные сетевые взаимодействия. Ряд социологов (С. Бюссе, Дж. Коулман, Р. Патнэм, Ф. Фукуяма) трактуют его как «социальный капитал».

Важным структурным элементом социально-политического пространства являются формальные и неформальные политические институты. Они определяют принципы политических обменов, доступ к власти, закрепляют распределение ресурсов, предписывают роли и др. Нами используется понятие института в

интерпретации Д. Норта и показывается, что в структурировании социально-политического пространства участвуют официальные и неофициальные институты. Массовый характер игнорирования правовых норм как со стороны рядовых граждан, так и со стороны власти, широкое распространение нелегитимных институтов существенно ограничивают возможности демократической трансформации социально-политического пространства.

Взаимосвязь социальных агентов и политических институтов проявляется в политических практиках. Согласно положениям активистско-деятельностного и неоинституционального подходов, агенты учитывают те ограничения, которые накладывают на их деятельность институты, но в то же время способны своими практическими действиями изменить их.

Широкие возможности для описания социально-политического пространства открывает сетевой подход. Под сетью понимают образующуюся в процессе обмена ресурсами или коммуникационными взаимодействиями совокупность связей между агентами. Социально-политическое пространство конструируется сетями с разной степенью формализации связей. Они могут быть горизонтальными или вертикальными (иерархическими). В первом случае сети построены на эквивалентном обмене между агентами, которые обладают равными ресурсами и статусами. Во втором случае агенты имеют разный статус и ресурсы, но взаимно нуждаются друг в друге. В социально-политическом пространстве подобные сети обнаруживают себя в форме клиентелизма и патронажа. Под клиентелизмом понимают выгодные неофициальные сделки, обмены личными «одолжениями» между разными по своему социальному положению агентами, каждый из которых контролирует доступ к определенным потокам ресурсов (Л. Ронигер). В целом, клиентарные связи противоречат демократическим нормам, поскольку закрепляют иерархичность позиций агентов в социальном пространстве и опираются на неправовую практику манипуляции ресурсами и статусами. Клиентелизм – разновидность более широких патронажных сетей, которые проявляются в феномене опекуна, связывающего представителей власти с рядовыми гражданами. Как

показали исследования М. Афанасьева и других ученых, клиентелизм и патронаж, принимающий разные формы, широко распространены в современной России. Социальные и политические сети оказывают противоречивое влияние на социально-политическое пространство. Одни из них способствуют формированию отношений и организационной инфраструктуры гражданского общества, другие, напротив, формируют внутри пространства «теневую» (полностью неправовую) или «серую» зону. Если следовать смыслу, который вкладывается в понятие «серая зона» (М. Урбан), можно сказать, что этот сектор социально-политического пространства конструируется практиками и связями, которые не являются ни безусловно разрешенными, ни полностью запрещенными.

Другие подходы к исследованию структуры социального пространства связаны с выделением его различных уровней в зависимости от разных критериев. Рассмотрены разные видовые формы, каждая из которых несет определенную функциональную нагрузку и связана со специфическими видами социально-политических отношений и практик. Это электоральное, партийное, публичное, идеологическое или более широкое политико-символическое пространство и др. В работе показано значение символических обменов для структурирования социально-политического пространства, а также проанализированы его взаимодействия с другими полями социального пространства.

В главе исследован комплекс вопросов, связанных с субъектным измерением социально-политического пространства, сопоставлены разные подходы к выделению ключевых субъектов политики, деятельность которых задает вектор изменения социально-политического пространства. В целом социально-политическое пространство полисубъектно: в нем представлены разные субъекты политики, которые отличаются социальной масштабностью (отдельные индивиды, группы, общности, гражданское общество в целом), социальными ролями, статусами и ресурсами, организационными связями и институциональной оформленностью, характером своего влияния на политическую жизнь. Автором затронут вопрос о системе представительства интересов массовых социальных групп в повседневной

политической жизни. Политические ориентации и реализуемые стратегии представителей социальных слоев нельзя объяснить жесткой детерминацией структурных факторов (экономическим положением, общностью позиций в разных полях социального пространства). Представители социального слоя проявляют разную политическую активность, могут попадать под влияние разных групп и иметь разные партийные предпочтения.

В последнее время все чаще высказывается мнение об исчезновении массового субъекта политики. Исследуя российскую жизнь в регионах, ряд отечественных социологов и политологов приходят к мнению, что значительная часть граждан никак не влияет на политическую жизнь и процессы, что единственными субъектами социальных и политических процессов являются элиты и субэлитные группы. Методологически приемлемое средство для анализа социально-политического пространства с точки зрения его субъектов дает трактовка социального агента и актора социологами, работающими в рамках активистско-деятельностного подхода. В работах Э. Гидденса, П. Штомпки, Т. Заславской, М. Шабановой и др. проводится мысль, что все социальные процессы и особенности общественной жизни определяются взаимодействием самых различных акторов, в том числе и рядовых граждан. Как убедительно показала Т. Заславская, разные группы действуют на разных уровнях трансформационного процесса и, реализуя разные стратегии, определяют его фактический ход и результаты.

Другим принципиальным моментом в понимании участников социальных процессов является разведение понятий «субъект», «актор» и «агент». Подчас эти понятия используются как синонимы. Соотношение понятий социального субъекта и актора было показано Т. Заславской. В ее трактовке субъекта акцент сделан на рациональность сознания и поведения, на способность к свободному выбору. Что касается понятия «актор», то оно связано с социальным действием. Подобное смысловое разграничение понятий субъекта и актора может быть распространено и на участников общественно-политической жизни. Понятием политической «актор» охватывается более широкий круг действующих участников общественно-

политических процессов, в том числе и те, чье поведение иррационально, является реакцией на удачно использованные манипулятивные приемы. Политический субъект раскрывается через определенный комплекс внутренних качеств (осознание потребностей и интересов, мотивационные установки, целе- и волеполагание). Воспользовавшись типологией действий, разработанной М. Вебером, отметим, что субъект политики обладает способностью к целерациональной или ценностно-рациональной деятельности. Политический актер раскрывает себя в любом виде действий, в том числе мотивированном эмоциями и традициями.

Ряд западных социологов широко используют понятие «агент». Агент в понимании Э. Гидденса, М. Арчер, П. Штомпки, В. Сьюэлла, П. Бурдые – это всегда действующие индивиды и группы. В этом плане понятия агента и актора пересекаются. Но в то же время агенты, как это следует из работ В. Сьюэлла и Э. Гидденса, обладают особыми качествами субъектности. В трактовке Э. Гидденса, быть агентом – это осуществлять деятельность и ее самоконтроль на основе рефлексивного мониторинга и понимания действий других. Важным проявлением агентности британский социолог считает включение в процесс «диалектики контроля». Агентами выступают не только непосредственные носители власти, но и рядовые граждане, если они с помощью определенных ресурсов воздействуют на использование власти первыми. В диссертации обосновано понимание политического агента как актора и политического субъекта одновременно. По мнению автора, политическая агентность предполагает реализованный деятельностный потенциал, при этом взаимодействия и обмены, в которые включается агент, имеют для него непосредственный смысл. Агентность предполагает использование ресурсов власти и влияния, участие в обменах контролем.

Потребностям демократического развития российского общества отвечает формирование у как можно большего количества граждан, а в идеале у всех, способности выступать политическими агентами. Этой цели отвечает и формирование гражданского общества как макроагента, взаимодействующего с

государством. Являясь неполитической формой самоорганизации социума, развитое гражданское общество способно выступать политическим агентом во взаимоотношениях с государством, выполняя по отношению к нему ряд важнейших функций. Через институты и ассоциации гражданского общества происходит объединение индивидуальных ресурсов автономных граждан, формируется социальный капитал (солидарность, доверие, взаимная ответственность), который, по мнению Р. Патнэма, лежит в основе существования гражданских ассоциаций и является необходимым условием того, чтобы «демократия сработала». В главе дан анализ социологических трактовок гражданского общества, сторонники которых видят в нем форму солидарности граждан, связанных общими представлениями и моральной ответственностью. Подобное понимание гражданского общества предлагает такой ориентир развития общества, в котором выражена потребность в социальной интеграции граждан на основе общественных интересов и универсальных ценностей. Вместе с тем, любое гражданское общество представляет собой сферу проявления разных по своему характеру отношений: объединения и разъединения, конкуренции и согласия. Солидарность и способность генерировать общие интересы проявляют себя как тенденции, противостоящие конкуренции и соперничеству групповых интересов, которые также присущи гражданскому обществу.

Отношения государства и гражданского общества могут иметь разный характер, но они взаимно нуждаются друг в друге, т. к. каждое из них не является самодостаточным в обеспечении стабильности общественных взаимоотношений и в разрешении проблем, вызванных многообразными социальными рисками. Как агент социально-политического пространства гражданское общество выполняет важные функции: сигнализирует о проблемах, побуждая тем самым государство к активности; инициирует принятие государством важных решений; мобилизует население «снизу» к участию в общественно-политической жизни, формирует культуру гражданственности; контролирует власть и противодействует ее авторитарным тенденциям и др.

В последние годы важное место в рассуждениях о гражданском обществе занимает тема публичного пространства (сферы). В главе уточняется, в чем проявляются различия публичного и частного пространства, проанализированы и сопоставлены представления о публичном пространстве зарубежных и отечественных авторов. Публичное пространство имеет важнейшее значение для развития гражданского общества, т. к. здесь проявляется способность граждан генерировать общие интересы, формируются представления о гражданских обязанностях и ответственности. Оно структурировано взаимодействиями и коммуникациями акторов гражданского общества друг с другом и с государством. Публичное пространство как «местосвершение» непосредственных обменов гражданского общества с государством выступает одним из видовых проявлений социально-политического пространства. Публичное пространство относится к явлениям с «изменяющимися границами». Подвижность его границ определяется многими условиями: политическим режимом, степенью открытости информационного пространства для дискуссий, отношением государства к гражданскому обществу, зрелостью последнего. Атомизированное гражданское общество с конкурирующими группами интересов не способно выразить общий интерес и сформировать публичное мнение. Целям демократического развития отвечает сетевая организация гражданского общества, построенная на отношениях солидарности между людьми, чувстве взаимных обязанностей, осознании общественных интересов. Ответ на вопрос о том, в каком направлении развивается гражданское общество в России и каков его реальный политический потенциал, не только должен опираться на теоретические дискуссии, но и требует проведения широких эмпирических исследований.

В **третьей главе** *«Региональная структура социально-политического пространства»* рассматриваются вопросы, связанные с регионализацией постсоветского пространства. На примере социально-политического пространства сложнопостроенного субъекта Федерации дан анализ проблем, связанных с практикой федерализма. В главе обобщены результаты эмпирических исследований,

отражающие общее и особенное в агентной структуре, электоральной культуре субъектов Федерации, входящих в состав Тюменской области, и другие моменты, характеризующие включенность рядовых граждан в обмен контролем с властью.

Процесс регионализации социально-политического пространства стал одним из существенных моментов российского трансформационного процесса. Под регионализацией понимаются процессы, связанные с региональным структурированием пространства или с повышением роли регионов в социально-экономической и политической жизни общества. Понятие «регион» используется по отношению к субъекту Федерации, но рассматриваются многообразные трактовки региона, представленные в литературе, и разные уровни его пространственной локализации. Также отмечено, что в рамках регионального пространства осуществляется специфическое воспроизводство и упорядоченность социальных, экономических, политических, культурных и других форм жизнедеятельности, характерных для каждой социально-территориальной общности.

Под региональной структурой социально-политического пространства общества понимается совокупность социально-политического пространства субъектов Федерации. Границы каждого из них определяются пределами распространения полномочий институтов государственной власти соответствующего уровня и характера, а также возможностями реализации гражданином своего статуса избирателя этих органов власти. Нормативное оформление региональной структуры социально-политического пространства России обозначено Конституцией РФ, определяющей статус субъектов Федерации, федеральными законами и другими правовыми актами, регулирующими отношения в сложнопостроенных субъектах Федерации.

Автором показана неоднозначность последствий процесса регионализации постсоветской России. С одной стороны, возросла автономия регионов и их роль как субъектов политики, повысилась осознанность населением регионального интереса в его экономической, политической, культурной, социальной и экологической составляющей. С другой стороны, неуправляемый процесс децентрализации первой

половины 90-х гг. породил целый комплекс проблем, связанных с возросшими диспропорциями между субъектами Федерации по показателям экономического и социального развития, разногласия и противоречия между субъектами Федерации по поводу их фактического политико-правового статуса, и относительно выхода отдельных из них за пределы правового поля Российской Федерации.

Одним из проявлений процесса регионализации стала фрагментация социально-политического пространства России, углубление различий между регионами не только по их политическому «весу», но и по качественным особенностям организации власти и политической жизни в субъектах Федерации. Социально-политические пространства регионов отличаются своими институциональными параметрами, соотношением формальных и неформальных норм, распространенностью клиентарных и патронажных сетей, агентной структурой, степенью развитости элементов гражданского общества, особенностями политической и электоральной культуры, стратегиями взаимоотношений между разными сегментами элит, между элитами и населением. В каждом регионе выстроена своя «вертикаль власти», реализованы разные принципы взаимоотношений между ветвями власти. К этому следует добавить потенциал региональных элит в отстаивании интересов во взаимоотношениях с центром. Региональное многообразие социально-политического пространства определяется асимметричным характером Российской Федерации, региональной политикой центра, сочетанием целого ряда «местных» обстоятельств, которые привели к формированию в регионах особых политических режимов с разным сочетанием элементов демократии и авторитаризма. Многие исследователи (М. Афанасьев, С. Барзилов, В. Нечаев, В. Рыжков, А. Чернышов и др.) находят подтверждение тому, что в социально-политическом пространстве большинства регионов закрепились разные варианты авторитаризма. В работе приводится разное объяснение причин непоследовательности демократического транзита в регионах, в том числе и в контексте концепции о поляризации пространства на центр и периферию.

Более полное представление о диверсификации социально-политического пространства России дают региональные исследования. В главе проанализированы результаты ряда компаративных исследований, осуществленных российскими и зарубежными учеными, раскрывающих особенности политических режимов, структуры властных отношений, стратегии управления элит политическими ситуациями на местах, реализуемые в регионах. Дополнительные грани регионализации российского социально-политического пространства раскрывает исследование электорального поведения. Опыт проведения общефедеральных избирательных кампаний дал богатый материал, позволяющий увидеть дифференциацию регионов в зависимости от политических предпочтений и электоральной активности. Исследователями (А. Бузиным, А. Галкиным, Г. Голосовым, Г. Дилигенским, К. Мацузато, Д. Орешкиным, Н. Петровым, С. Чугровым и др.) были описаны разные модели региональной диверсификации электорального пространства и предложены объяснения причин, вызывающих различия электорального поведения населения разных субъектов Федерации. Отмечены и другие подходы, согласно которым региональное многообразие общероссийского электорального пространства производно от внутреннего раскола регионального пространства по линии «город – село», «региональный центр — периферия» (В. Колосов, Н. Петров, А. Титков).

В работе определены наиболее важные индикаторы, с помощью которых можно исследовать особенности регионального социально-политического пространства. К ним относятся: институциональная среда как совокупность формально-правовых и неофициальных норм, сочетание которых определяет реальную реализацию принципа разделение властей, функционирование органов местного самоуправления, электоральные процедуры, деятельность СМИ и организаций «третьего сектора», степень политической конкуренции; совокупность акторов (политические, бюрократические и экономические элиты, неэлитные группы, партии и др.) и совокупность тех ресурсов, которые они используют для осуществления политического влияния; деятельностно-практические факторы,

отражающие реализуемые стратегии поведения, характер взаимодействия авторов; социокультурные факторы: ценностные ориентации элитных и неэлитных групп, уровень гражданской культуры, включая особенности электоральной культуры населения; социопсихологические факторы: уровень базового социального доверия, оценка политической ситуации населением, социальные идентичности разных групп населения, распространенность патерналистского типа сознания. Дополнительные характеристики социально-политического пространства раскрываются в механизме рекрутирования политических элит, их социальной и партийной представительности, степени распространенности клиентарных и патронажных сетей, а также особенности региональных идеологий и мифологем. Многие из указанных индикаторов были использованы автором при исследовании специфики социально-политического пространства Тюменского региона.

В правовом отношении сохранение единого социально-политического пространства Тюменской области и автономных округов (Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого) было определено Конституцией РФ, включившей положение о вхождении автономных округов в состав края или области, постановлением Конституционного Суда РФ от 14 июля 1997 г. № 12-П «По делу о толковании содержащегося в части 4 статьи 66 Конституции Российской Федерации положения о вхождении автономного округа в состав края, области», которое было принято непосредственно по запросам законодательных органов Тюменской области и двух округов. Данным постановлением были подтверждены как самостоятельность округов в качестве субъектов Федерации, так и наличие у области единой территории и населения, составными частями которых являются территория и население автономных округов, а также право населения, проживающего в округах, участвовать в выборах в общие органы законодательной и исполнительной власти области.

Как и Россия в целом, которую образно называют «федерацией контрастов», Тюменская область объединяет в своем составе территории с ярко выраженной асимметрией экономического развития, диспропорциями в размере заработной

платы, в показателях уровня жизни и в уровне урбанизации. Вхождение в состав области округов, обладающих большим производственным потенциалом, на фоне общей конституционно-правовой неопределенности относительно подобных сложнопостроенных субъектов РФ содержит в себе потенциальную конфликтность. В 90-х гг. Тюменская область непосредственно испытала на себе процессы дезинтеграции. В настоящее время сложились специфические политико-правовые взаимоотношения трех субъектов, зафиксированные в соглашениях и договорах между органами власти области и округов. Совет трех губернаторов и Совет трех Дум стали организационно-процедурным выражением взаимодействия элит. Стабилизация отношений нашла проявление в совместных инвестиционных программах. Сохранение единого социально-политического пространства находит подтверждение в участии населения автономных округов в выборах депутатов областного законодательного органа и губернатора области.

Опыт Тюменской области свидетельствует о том, что единство и стабильность регионального пространства сложнопостроенного субъекта Федерации определяются рядом факторов и, прежде всего, наличием четких правовых норм, содержащихся в федеральном законодательстве. Правовая неопределенность порождает целый спектр противоречий. Потенциальную конфликтность несет и асимметрия в экономическом развитии. К числу интеграционных факторов следует отнести сохранение единого образовательного пространства, общей социальной инфраструктуры, широкие информационные обмены, позволяющие сохранить общее информационное пространство. Немаловажное значение могут иметь и субъективные факторы: амбициозность региональных лидеров, степень взаимопонимания, готовность к нахождению компромиссов.

В последнее время федеральный центр обозначил свою позицию, способную существенным образом изменить отношения внутри сложнопостроенных субъектов Федерации. Закон «О внесении изменений и дополнений в Закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» (2003), который вступит в действие с

2005 г., предусматривает перераспределение существенной части полномочий от автономных округов к областным органам власти, вновь сделал актуальным вопрос о достижении баланса интересов области и округов.

В главе рассматривается вопрос о том, в каких территориальных контурах население области и округов определяет свою социальную пространственность. Осознание общности своих связей и интересов с теми, кто проживает в этом регионе, или, другими словами региональная идентичность, является важным фактором интеграции регионального сообщества, его способности в случае необходимости активно отстаивать свои интересы. При этом специфика Тюменской области предполагает две возможные формы саморефлексии населения по отношению к региональной общности: областную и окружную. Кроме того, границы социально-территориального сообщества, с которыми идентифицирует себя человек, могут быть сужены до границ поселка или города. В условиях, когда разрушена иерархия общественных ценностей и не ясны общенациональные идеи, актуализация форм идентичностей, сфокусированных на регионе или городе, может сопровождаться размыванием идентификации с «большим» обществом. Именно подобная ситуация фиксировалась рядом отечественных социологических исследований середины 90-х гг. Результаты нашего исследования, проведенного в марте 2002 г. (опрошено 2328 человек), свидетельствуют о том, что массовое сознание проникается пониманием ценности государственного пространства, а общегражданский принцип идентификации («быть гражданином России») является очень важным для 60% всех респондентов. В то же время преобладающей является смешанная идентификация, при этом, в отличие от респондентов юга области, для опрошенных «северян» принадлежность к городской или поселковой общности является более значимой, нежели к региональной. Еще более слабо северяне ассоциируют себя с областной общностью. Предложены объяснения причин низкой позиции окружной и областной самоидентификации в системе ориентаций населения, рассмотрены особенности региональных идеологий и мифологем, используемых элитами для актуализации региональной идентичности и легитимации своей власти.

В главе дан общий сравнительный анализ институциональных факторов, определяющих особенности социально-политического пространства области и округов, основных агентов, в роли которых выступают не только административно-политические элиты, но и крупнейшие нефтегазовые корпорации. Влияние последних на региональную политическую ситуацию особенно велико на Тюменском Севере. Одним из каналов влияния корпораций на политическую жизнь стали законодательные органы власти. Проведенный автором анализ социального состава депутатов региональных законодательных собраний показывает: в законодательном органе ХМАО 14 депутатов из 25 являются генеральными директорами, председателями советов директоров различных ОАО и ООО, в основном представляющих ТЭК и обслуживающие их структуры, трое – заместители генеральных директоров; в Думе ЯНАО 12 депутатов из 21 возглавляют структуры, связанные с «Газпромом», а также фирмы и банки; в депутатском корпусе областной Думы из 25 человек к «директорскому корпусу» относятся 9 человек, из которых 6 – непосредственно связаны с ТЭКом. Вторую по представительности в областной Думе группу составляют главы муниципальных образований.

В главе содержится анализ результатов социологического опроса и оценок экспертов относительно степени влияния на региональную жизнь разных институтов власти, экономических акторов и общественно-политических организаций.

Во всех субъектах Тюменской области наблюдается типичная с другими регионами ситуация, когда, с одной стороны, существует большое количество общественно-политических организаций и других ассоциаций гражданского общества, но, с другой стороны, их социальный капитал и способность реального влияния на региональную жизнь остаются слабыми. Это касается и основного властно-ориентированного института гражданского общества – политических партий. Малочисленность большинства региональных отделений партий и низкая популярность среди населения в совокупности с электоральными процедурами, используемыми при выборах законодательных собраний региона, существенно ограничили их возможности воздействовать на региональную и местную политику.

Их место в электоральном процессе занято корпоративными и властными структурами, что предопределило деполитизированный характер региональных и местных выборов, а также представительных органов власти.

Новый нормативный контекст деятельности партий, определенный Законом «О политических партиях» (2001), и изменение правил проведения выборов в законодательные органы субъектов Федерации нацелили партии на большую активность в выполнении своих непосредственных функций на местах. Но электоральный потенциал большинства региональных отделений партий остается низким.

В этих условиях для партий становится важной административная поддержка со стороны региональной и местной властей. Характер подобных взаимоотношений партий и власти попадает под определение Н. Лапиной и А. Чириковой – «выборочный патронаж». Подобное «покровительство» распространяется на «партии власти».

В главе дан анализ роли в политической жизни региона национальных организаций и других ассоциаций гражданского общества. Проведенное исследование свидетельствует о неравномерности в развитии гражданского общества. Его основная инфраструктура сосредоточена в нескольких крупных городах. Наблюдается неравномерность в развитии его разных секторов. Более трети из зарегистрированных организаций составляют профсоюзы, 13-15% – спортивные организации. Численность же благотворительных, экологических и правозащитных организаций в общем составе общественных ассоциаций в области и округах составляет от 1% до 3%. Хотя для развития гражданского общества принципиальное значение имеют все формы самоорганизации граждан как прививающие культуру коммунитарности, чертой развитого гражданского общества является широкая представленность организаций, ориентированных на солидарность с другими группами: благотворительные фонды, организации взаимопомощи и социального обеспечения, правозащитные движения. Сюда можно отнести и экологические

движения как своеобразную форму выражения солидарности с будущими поколениями и ответственности перед ними.

Вместе с тем, в региональной общественной жизни можно найти и примеры эффективной деятельности гражданского общества, прежде всего, территориального общественного самоуправления, разнообразных волонтерских организаций, общественного фонда «Сибирский центр поддержки общественных инициатив» и др. Новые институциональные формы принимает и публичное пространство как пространство прямого диалога представителей власти и общественности. С ноября 2001 г. действует Гражданский форум Тюменской области (без автономных округов), в рамках которого осуществляется общественная экспертиза проектов программ областной власти по важнейшим направлениям социально-экономической и общественной жизни региона.

Как в регионе, так и в стране в целом, развитие гражданского общества сдерживается целым рядом факторов. Прежде всего, это ограничения социоструктурного характера, связанные с кризисным состоянием экономики, низким уровнем жизни, порождающие отстраненность населения от общественно-политической жизни. Другие причины кроются в противоречивости нормативной базы, которая существенно снижает возможности влияния организаций гражданского общества на политическую жизнь. Используя термин экономиста В. Полтеровича, автор определил эти факторы как «институциональные ловушки». Развитие организаций гражданского общества сдерживается отсутствием необходимого опыта, проблемами финансирования. Сохраняются настороженное отношение органов власти к гражданским инициативам и практика выборочного покровительства по отношению к организациям, обладающим влиянием на электорат, а также практика создания искусственных организаций как способа подключения общественных ресурсов для поддержки «партий власти». Еще одна серьезная причина слабости гражданского общества связана с социокультурным фактором: привычками, установками, ценностями населения.

Проведенные нами опросы свидетельствуют о парадоксальной ситуации. С одной стороны, существует общественный запрос населения на гражданские ассоциации как каналы реализации своих интересов, но с другой, – люди не проявляют непосредственной активности как в создании подобных организаций, так и в деятельности уже имеющихся. Только 1,7% респондентов ответили, что являются членами общественных организаций, 24,3% вспомнили, что являются членами профсоюзов. Не популярна у населения и идея членства в партиях. Только 2,5% участников опроса ответили, что являются членами партий. Причины столь низкой вовлеченности в деятельность общественных организаций объясняются рядом моментов, в том числе связаны с неверием в их эффективность как способа коллективного отстаивания интересов; со слабыми коммуникационными обменах институтов гражданского общества с населением; с «усталостью» населения от политики. Следует отметить и влияние экономической ситуации, которая потребовала от людей активности и умения «вертеться» в решении проблем повседневной жизни. На этом фоне все более широкое распространение получает такой феномен, описанный в социологии, как «внутренняя эмиграция» – отстраненность индивида от общественной жизни, самоизоляция в мире семьи. В этом плане показательны ответы 30% респондентов, которые полностью согласились с суждением: «Для меня все второстепенно, кроме благополучия семьи». Приведены результаты исследования социального капитала гражданского общества по другим индикаторам: готовность выбрать ту или иную стратегию поведения для защиты собственных прав, интерес к получению политической информации, политическая компетентность как одна из основ формирования рациональности в политике, индекс доверия.

Роль социального доверия как важнейшего фактора, определяющего характер обменов между акторами социально-политического пространства, рассматривается в теоретическом и эмпирическом аспектах. Проблема доверия непосредственно присутствует в социологических теориях, представляющих социальное взаимодействие как обмен. Роль фактора доверия в политических обменах

подчеркивал Т. Парсонс. Вопрос о роли доверия в современном обществе в своих работах исследовали Э. Гидденс, Н. Луман, А. Селигмен, С. Айзенштадт, П. Штомпка. В отечественных исследованиях проблему доверия в контексте политических процессов, происходящих в России, затронули А. Галкин, Н. Лапин.

Функциональность доверия проявляется как в личностном, так и в общественном аспектах. В первом случае доверие удовлетворяет базовые потребности индивида в онтологической безопасности. Персонифицированные и неперсонифицированные формы доверия призваны придать повседневной жизни более надежный характер.

Во втором случае доверие непосредственно участвует в конструировании горизонтальных и вертикальных социальных взаимодействий. В частности, доверие – это ресурс рядовых граждан, который включен в механизм легитимизации институтов власти и определяет поддержку проводимого ими экономического и политического курса. На основе доверия формируются социальные идентичности и отношения взаимности и солидарности, что является необходимым фактором формирования гражданского общества. Наряду с этим, доверие выполняет важнейшую функцию уравнивания социокультурного, политического, этнического многообразия современных обществ. Доверие к «инаковости» является необходимым основанием для формирования отношений толерантности.

Как показывают результаты проведенного автором социологического исследования, «синдром недоверия» (термин П. Штомпки) широко присутствует в социально-политической жизни региона. Большое число опрошенных сомневается в том, что страна, несмотря на трудности, развивается в правильном направлении, что органы власти выражают мнение рядовых граждан. В то же время диапазон колебаний между доверием и недоверием в отношении разных институтов власти существенен. Население склонно демонстрировать более высокий уровень поддержки институтам и фигурам власти, в чьих руках сконцентрирована реальная власть, – президенту и губернаторам. Существует прямая связь между недоверием к

политическим институтам и процедуре выборов и абсентеизмом. Так, многие респонденты из числа тех, кто не принимал участия в выборах в Государственную Думу в 1999 г., объяснили свою пассивность тем, что выборы не меняют ситуацию и от них ничего не зависит, или тем, что совсем не интересуются политикой. За подобным негативизмом стоят более глубокие причины – пессимистическая оценка общероссийской ситуации, негативный экономический опыт, приобретенный в ходе рыночных реформ. Характерно, что именно в группе респондентов, оценивших свой материальный уровень крайне низко, чаще наблюдается феномен недоверия и отчужденность от общественной жизни. Как показало другое проведенное автором в январе 2003 г. исследование (1680 опрошенных), на низком уровне находится доверие, обеспечивающее конструктивные горизонтальные взаимодействия. Только 23,5% опрошенных согласились с тем, что «людям можно доверять»; 65,7% ответили, что испытывают недоверие к представителям определенных национальных групп. Восстановление социального доверия определяется сочетанием многих факторов, среди которых важнейшими являются: развитие демократических основ жизни, преодоление экономического кризиса, эффективная социальная политика, развитие культуры толерантности, повышение нравственной и гражданской ответственности населения и непосредственно самой власти.

Непосредственное вовлечение населения в обмены контролем с властью осуществляется через электоральный процесс. Опираясь на данные электоральной статистики и социологические опросы, автор рассматривает важные аспекты, характеризующие электоральную культуру: активность участия населения на выборах общефедерального, регионального и местного уровня, распространенность голосования «против всех», мотивацию электорального выбора; устойчивость партийных ориентаций избирателей и тенденции их изменений, социальные характеристики сторонников различных партий; различия и сходства в электоральных субкультурах населения юга и севера области. В работе показано, что установка на участие в выборах зависит от комбинации ряда факторов, а именно: уровень доходов, ряд социально-демографических характеристик избирателей,

интенсивность агитационной кампании, оценка значимости выборов в глазах избирателей, уверенность/неуверенность в эффективности участия, уровень доверия политическим институтам и процедурам. На основе обобщения данных электоральной статистики прослежено влияние фактора урбанизации на активность населения.

Социально-политическое пространство Тюменского региона характеризуется различиями политических предпочтений электората северных округов и юга области. Если первые демонстрируют более лояльное для Кремля голосование, то на юге избиратели настроены более оппозиционно – здесь высок процент голосования за левые партии. Кроме того, электоральное пространство юга области фрагментарно и определяется расколом по линии «город – село», при этом особую электоральную зону представляет областной центр. Общефедеральные избирательные кампании 1999–2000 гг. выявили тенденцию к сближению электоральных субкультур жителей юга области и северных округов. Ухудшение экономической ситуации, вызванное кризисом 1998 г., увеличило процент голосующих за коммунистов на севере региона. Дифференциация электорального пространства региона определяется рядом факторов: особенностями социально-экономической ситуации, сложившейся на разной территории области, особенностями демографического состава населения, профессиональной и отраслевой структуры, уровнем жизни населения, степенью «контролируемости» электората.

Результаты социологических исследований позволяют сделать вывод, что партийные предпочтения значительной части электората не являются устойчивыми. Причины этого кроются как в состоянии российской многопартийности, затрудняющей партийную идентификацию граждан, так и в опосредованности политических предпочтений избирателей сложным сочетанием когнитивных и аффективных факторов. Последнее обстоятельство делает голосование зависимым от многих причин. На него могут влиять изменившаяся социально-экономическая ситуация в регионе или стране в целом, предвыборная риторика, появление новых символов и лозунгов, «сила» административного ресурса и др. Идеологический

фактор не является измерением политических предпочтений электората. Так, участники опроса (2003), заявившие о своих симпатиях к либералам и демократам, не имеют последовательной позиции в отношении конкретных положений, характеризующих идеи либерально-демократического континуума. В этом плане сторонники коммунистов являются более последовательными: большинство из них выступают против передачи земли в частную собственность, за сохранение государством социальных функций, за сокращение разрыва между богатыми и бедными. В целом исследование ориентаций населения говорит о том, что в массовом сознании одновременно представлены амбивалентные ценностные ориентации: ценности демократии и авторитаризма, экономического индивидуализма и государственного патернализма, толерантности и интолерантности. Это также затрудняет последовательность позиционирования избирателей в электоральном пространстве. Правда, у данной проблемы есть и другая сторона, которая непосредственно связана с качеством той символической продукции, которая призвана установить осмысленные контакты политиков с их потенциальными избирателями.

В «**Заключении**» подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы и рекомендации, выделяются возможные направления дальнейшего изучения проблемы.

**ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНО В  
СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:**

*Монографии, учебные и учебно-методические пособия:*

1. Социально-политическое пространство общества и региона: Монография. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2003. 13,25 п. л.
2. Обществознание: Учебное пособие для абитуриентов. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2000. 16,8 п. л. (в соавторстве, личный вклад – 2,0 п. л.).
3. Политология: Электронный учебник. Тюмень: ТГУ, лаборатория мультимедийных средств обучения, 2002.
4. Основы политологии: Учебное пособие. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2003. 21,5 п. л.
5. Социальная политика и реализация принципа социальной справедливости: Учебно-методическое пособие. Тюмень: Изд-во ТГУ, 1989. 1,2 п. л.
6. Политология: Учебно-методический комплекс для дистанционного обучения. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2001. 12,5 п. л. (в соавторстве, личный вклад – 7,5 п. л.).
7. Образовательная программа по курсу «Современные социальные процессы». Тюмень: Изд-во ТГУ, 1996. 1,25 п. л.

*Статьи в научных журналах и сборниках:*

8. К проблеме трансформации ценностей в реформируемом обществе // Экология культуры и образования: филология, философия, история. Сборник статей. Тюмень: Изд-во ТГУ, 1997. 0,4 п. л.
9. Демократические преобразования в региональном измерении // Вестник Тюменского государственного университета. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2000. № 4. 1,0 п. л.
10. Своеобразие политических субкультур: региональный уровень // Тюменский исторический сборник. Вып. 5. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2002. 0,8 п. л.

11. Феномен доверия/недоверия в социально-политическом пространстве // Управление социальными процессами в регионах. Вторая Российская научно-практ. конф. Сб. статей. Ч. 1. Регион как социум: социальная структура, институты и процессы. Екатеринбург: Изд-во УрАГС, 2002. 0,4 п. л.
12. Факторы межэтнической конфронтации и перспективы конструктивного диалога // Духовные традиции славянской письменности и культуры в Сибири. Сборник статей: В 2-х ч. Ч. 1. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2002. 0,5 п. л.
13. Особенности электорального поведения населения Тюменской области // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 2001. Тюмень: Изд-во «Тюмень», 2002. 0,9 п. л.
14. Региональный электорат партий между выборами // Социологические исследования. 2003. № 9. 0,9 п. л.
15. Феномен доверия и его социальные функции // Вестник Российского университета Дружбы народов. Сер. Социология. 2003. № 1. 0,8 п. л.
16. Политическое пространство как категория политологии и социологии // Социология российской провинции: тенденции и перспективы развития. Сборник статей: В 5 ч. Ч. 3. Политические процессы в современном мире. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2003. 0,4 п. л.
17. Социально-политическое пространство Тюменского региона: институциональные и агентные характеристики // Политические процессы в Тюменской области: Труды кафедры политологии Тюменского государственного университета. Вып. 1. Тюмень: Изд-во «Тюменская правда», 2003. 1,3 п. л.
18. Толерантность и доверие – социальные ориентиры современного общества // Вестник Тюменского государственного университета. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2003. № 1. 0,9 п. л. (в соавторстве, личный вклад – 0,7 п. л.).

*Тезисы и материалы научных конференций:*

19. О проблемах развития общественного экономического сознания // Безопасность жизнедеятельности в Сибири и на Крайнем Севере: Тезисы докладов международной научно-практ. конф. Ч. 2. Тюмень: Изд-во ТГУ, 1995. 0,2 п. л.

20. Влияние реформ на социокультурную ситуацию в России // Формирование духовной культуры личности в условиях Западно-Сибирского региона: Материалы респуб. научно-практ. конф. Тюмень: ТГИИК, 1997. 0,25 п. л.

21. Экономические преобразования в оценках населения // Социально-экономические проблемы региона в переходный период: Материалы международной научно-практ. конф. Тюмень: Изд-во ТГУ, 1998. 0,2 п. л.

22. Политологические подходы к исследованию политической модернизации общества // Историческая наука на пороге третьего тысячелетия: Тезисы докладов Всероссийской науч. конф. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2000. 0,3 п. л.

23. Демократизация в России: трудности и противоречия // Интеллигенция и проблемы формирования гражданского общества в России: Тезисы докладов Всероссийской науч. конф. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. 0,3 п. л.

24. Экономические преобразования и проблемы власти в оценке жителей г. Тюмени // Словцовские чтения – 2001: Тезисы докладов и сообщений научно-практ. конф. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2001. 0,25 п. л.

25. Формирование регионального самосознания в контексте процесса регионализации // Глобализация, федерализм и региональное развитие: Сборник тезисов Всероссийской науч. конф. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2001. 0,25 п. л.

26. Региональные выборы и проблема федерализма (на примере Тюменской области) // Российская государственность: уровни власти. Теория и практика современного государственного строительства: Материалы Всероссийской научно-практ. конф. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2001. 0,3 п. л.

27. Политическое участие в зеркале электоральной статистики (на примере северных нефтегазовых регионов) // Северный регион: наука и социокультурная

динамика: Сб. тезисов докладов Всероссийской науч. конф. Сургут: Изд-во СурГУ, 2002. 0,25 п. л.

28. Пути оптимизации межэтнического диалога // Славянские духовные традиции в Сибири: Тезисы докладов 25-й юбилейной международной научно-практ. конф. Тюмень: Изд. центр «Академия», 2002. 0,35 п. л.

29. Особенности политического пространства Тюменской области // Вуз и регион: взаимодействие с органами власти, бизнес-структурами и международными организациями: Материалы Всероссийского семинара. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2002. 0,35 п. л.

30. Тенденции развития электоральных субкультур Тюменского региона // Управление социальными процессами в регионах: Российская научно-практ. конф. Ч. 1. Регион как социум: социальная структура, институты и процессы. Екатеринбург: Изд-во УрАГС, 2002. 0,25 п. л.

31. Пространство в социологической теории // XIV Уральские социологические чтения: Сборник материалов науч. конф. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2003. 0, 35 п. л.